

АЛМАЗНЫЙ НАШ ВЕНЕЦ

Александр ПРОХАНОВ
ПАСТЫРИ

ВЛАДЫКА ИОАНН, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский. Явление неповторимое. Он возник на сломе двух эпох: советская угасала и догорала, и ей на смену приходило что-то новое, сумбурное, необъяснимое, страшное и влекущее. Он был теолог, он был проповедник, он был пастырь. Я много слышал о нём, но встретиться нам не доводилось. И вот однажды мне позвонил его помощник и попросил, чтобы я явился в редакцию газеты "Советская Россия", которую возглавлял Валентин Чикин, потому что туда придет владыка Иоанн. Я немедленно собрался, и мы вдвоём с Чикиным с нетерпением ждали его появления.

Владыка Иоанн пришёл в редакцию этой советской коммунистической газеты. Он был очень бедно, скромно одет, в каком-то даже не чёрном, а сером подрыснике, в руке его был посох. Мне казалось, что губы его едва шевелятся, из них излетал тихий вкрадчивый голос.

Его чудесное появление сразу заставило нас затихнуть, умолкнуть и смириться. Я подошёл под его благословление, а Валентин Васильевич Чикин, атеист, протянул руку, и они обменялись рукопожатием. Владыка сказал нам: вы радуете о примирении красных и белых. Вы хотите прекратить гражданскую рознь. Это благое, благодарное дело. Но знайте, что нет ни красных, ни белых, а есть русские.

И вы в своих писаниях постарайтесь говорить об этом, и это понятие — русские — поглотит все наши распри, недомолвки, все наши несовершенства и превратит их в сияние.

До сих пор я помню выражение его лица и помню его заповедь, которую соблюдаю по сей день.

И ещё он говорил нам о тёмной тайне, которая существует в нашем мире и всех гнетёт. которая сеет раздоры, распри и ведёт нас к гибели.

Он ушёл в болезни. И патристическое сознание всё ещё думает о причине его конца, не веря в естественный ход этой хвори. Быть может, и в самом деле его сгубила тайна беззакония, которая витает над всеми светносными, обожающими мир, любящими Христову жертву людьми?

ОТЕЦ ДМИТРИЙ ДУДКО. Боже, какое чудесное творение! Какая светлая, прозрачная, наивная, блаженная душа! Когда он появился в моей редакции, у меня возникло чувство чего-то очень весёлого и прекрасного. Он был такой маленький, такой очаровательный, такой улыбкающийся. У него был огромный лоб, переходящий в лысину, и по обе стороны лысины свисали белые святающиеся серебряные кудельки. Он пришёл сам, мы не звали его. Редакция наша была — шумная, неумолающая, гомонящая ватага. Мы пили водку, мы отправлялись на войны, мы принимали у себя оппозиционных политиков, давая им возможность проводить у нас свои тайные встречи. Мы сами пускались в очень опасные авантюры, которые могли стоить нам жизни или заточения в тюрьму. Он пришёл и стал духовником нашей редакции газеты "День". Он был пастырем, который нас пас. Но пас железом не железным, а берестяным. Он прощал нам все наши безумства, не пытался предложить нам какой-то особый жизненный путь. Просто его появление каждый раз вносило в нашу среду лёгкое очарование и веселье, которое исключало всякие скверны, выходки, истерики, жалобы на смертельную усталость.

Он крестил наших детей. Он помогал нам в судах. Нашу газету "День" то и дело хотели закрыть, шли непрерывные суды. Мы висели на волоске. Он приходил в зал суда до начала заседания с кропилом, со святой водой и кропил нас, сидящих на скамье. Кропил скамью, где будут сидеть наши обвинители, кропил ещё пустующие места для судей... Он кропил всё помещение и окрылял нас в наших сражениях, которые мы выигрывали.

Он вывел очень интересную и важную для меня теорию, из которой я многое воспринял и многое воспроизвожу сегодня в своих писаниях и в своих деяниях.

Он был диссидентом, был арестован органами КГБ и надолго заключён в тюрьму, в узилище. Но, выйдя оттуда, он никогда не осуждал своих мучителей, не кидал в них камень. Он считал, что советское является удивительным явлением божьим. Он говорил, что Великая Отечественная война — это священная война, а погибшие на этой войне — святые люди. К ним он причислял и 28 гвардейцев-панфиловцев, и Зою Космодемьянскую, и молодого гвардейца, и Талалихина, и Гастелло, и генерала Карбышева. Он говорил, что многие из них не были крещены, но они крестились кровью на полях сражений, отдали жизнь за други своя. Это ощущение святости подвиги советских людей было поразительным.

Когда его не стало, мы ощутили пустоту. Я всё время смотрел на дверь кабинета и ждал, что она вот-вот откроется, и тихо, с восхитительной блаженной детской улыбкой войдёт отец Дмитрий. Эта встреча поразила меня своей тихой духовностью, своей негромкой, упорной, но непрерывно идущей любовью. И теперь, когда её нет, когда прошло столько лет, я всё ещё думаю, что он, наш дорогой батюшка, остаётся духовником нашей оппозиционной газеты "Завтра".

Книга "Как жил, работал и воспитывал детей И.В. Сталин. Свидетельства очевидца" (Артём Сергеев, Екатерина Глушик). Справки по тел.: 8-985-256-91-24

НА ОБЩЕМ ФОНЕ русской истории XX столетия митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн (Снычёв), несомненно, является одной из наиболее ярких фигур. При этом его значение определяется не политическим влиянием или широкой популярностью, столь необычными для архиерея в наше смутное время. Хотя и то, и другое имели место, владыка не ценил мирскую славу, известности не искал и в тонкие политические материи углубляться не любил.

Уникальность его пастырской судьбы — в ином. Человек скромный и непритязательный, в условиях тяжелейшего кризиса российской государственности и духовной деградации русского общества он стал тем звеном, которое соединило современную Россию с её многовековой исторической и религиозной традицией. Доказав тем самым жизнеспособность и перспективность русской идеи перед лицом либерально-демократического засилья и боготорческих прожектов "нового мирового порядка".

Будучи духовным чадом и ближайшим учеником митрополита Мануила (Лемешевского), знаменитого исповедника (четырежды осуждённого, проведшего в сталинских лагерях и ссылках около двадцати лет), неутомимого борца за чистоту православия, — митрополит Иоанн явил собой зримый символ преемственности и жизнеспособности русского православно-патристического самосознания.

Именно он смог дать авторитетные, объективные и взвешенные ответы на многие вопросы, терзавшие не одно поколение русских людей. Его пламенные статьи-проповеди воплотили в себе всю горечь русского сердца, скопившуюся за время безбожного пленения России, всю боль народного раскаяния за прошлые грехи верототупничества, всю праведную ярость, весь гнев на растлителей Отечества, всю душевную муку за поруганные святыни Руси.

Именно он соединил в себе административный авторитет правящего церковного иерарха с благодатным даром неформального духовного лидера. Соединил — и многократно приумножил его неподкупной прямотой и обнажённой искренностью своих статей-проповедей, статей-воззваний, статей-прозрений. После долгих лет немоты и глухоты Россия вдруг услышала, как можно говорить о своей любви к Богу, Отечеству и родному народу, как — плакать и скорбеть о постигшем его унижении и позоре, как — верить в возрождение Святой Руси... Этот крик верующего русского сердца — крик надежды и боли — разнёсся над всей страной, и ныне никто уже не может сказать в своё оправдание: "Я не слышал, не знал, не понимал"...

Именно он, митрополит Иоанн, опроверг многочисленные измышления о "неспособности Церкви ответить на вызовы современности", о "духовном бессилии Московской Патриархии", о "поголовной продажности иерархов" и "полной зависимости РПЦ от кремлёвских политиков". Опроверг самым фактом своего существования, всем

своим поведением, публичными выступлениями — бесстрашными до неправдоподобия, до самозабвения, до евангельского самопожертвования.

Именно он открыл для публичного, гласного и конструктивного обсуждения многие "запретные" ранее темы, развенчав создававшиеся десятилетиями мифы и заговорив во весь голос о том, о чём привыкли шептаться только среди "своих", вдали от посторонних ушей...

И всё же самое важное — не это. Самое важное заключается в том, что митрополит Иоанн сумел сформулировать целостную, подробную и исторически обоснованную идеологию русского национально-религиозного

возрождения, соответствующую современным запросам общества, нынешнему положению Российского государства и русского народа.

Устами Владыки прозвучало главное слово, которого жаждала православная Россия, — писала газета "Россиянин" в декабре 1995 года, после кончины митрополита. — После опубликования его фундаментальных трудов у нас нет оснований сокрушаться, будто мы не знаем ответов на поставленные нынешним погромом вопросы... За пять петербургских лет своего просветительства пастырь успел сказать всё... Всё, что нам необходимо..."

А необходимо было, прежде всего, — очнуться от шока, вызванного десятилетиями богоборчества и развала Союза, вернуться к родным святыням, припасть к "источнику воды живой, текущей в жизнь вечную" (по слову Христа) в ограде православной Церкви, и — убедиться, что всё ещё можно исправить...

В сущности, "доктрина митрополита Иоанна" предельно проста. Она сводится к нескольким важнейшим истинам, которые выкристаллизовались на протяжении долгих столетий нашей истории и особенно ясно подтвердили свою правоту в ходе великой русской драмы XX века. Вкратце они таковы:

— "Русская идея" — это неутомимое стремление к святости, праведности и чистоте.

— "Русская демократия" — это соборность.

— "Русская идеология" — это правослабие.

— "Русский порядок" — это державность.

— "Русское государство" — это Россия во всём многообразии исторических форм её существования.

— Государственно-политический и одновременно нравственно-религиозный идеал России — Святая Русь.

— Патриотизм — религиозный долг каждого благочестивого христианина.

— Русская Православная Церковь — соборная совесть народа...

Митрополит сказал об этом спокойно и весомо. Так, что вскоре многим стало странно: как это они могли раньше не замечать столь очевидных вещей?

В том, что было сказано владыкой Иоанном, для православного сознания не было ничего нового или неожиданного: в своих трудах митрополит уверенно шёл в русле русской христианско-патриотической традиции, представленной такими широко извест-

ными именами, как святитель Игнатий (Брянчанинов), святитель Феофан Затворник, святитель Филарет (Дроздов), святой праведный отец Иоанн Кронштадтский и другие русские угодники Божии.

Но — кем это было сказано, когда сказано и как сказано?!

Кем — постоянным членом Священного Синода, архиереем второй по значению кафедры русской Церкви, доктором церковной истории, человеком безупречной репутации, бесребренником, не запятнавшим себя даже в самые тяжкие времена ни соглашательством с богоборцами, ни подверженностью политической конъюнктуре.

Когда — в разгар (1992–1995 годы) либерально-демократического погрома в России, перед лицом распада её великой государственности и тяжелейшего духовного кризиса, во время глубочайшего уныния, охватившего многих патриотов, потерявших надежду на возрождение страны и народа.

Как — властно и нелицеприятно, без недомолвок и умолчаний, бесстрашно и гневно, во весь голос...

Оставить это безнаказанным русофобии, конечно, не могли.

"В посланиях петербургского владыки полыхают отблески средневековых костров", — исполнился демократический "Вечерний Петербург" (8.09.1992) после первой же публикации митрополита. "Еретики и жиды не дают покоя "мирному" Иоанну Петербургскому и Ладожскому", — подхватил тему журнал "Новое время" (март 1993). — Веронетерпимости и антисемитизм связаны в его статьях и выступлениях неразрывными узами... Утверждая, что "мы больше не можем позволить себе делиться на "белых" и "красных", Иоанн ясно даёт понять, под какими знамёнами и "белые", и "красные" могут сегодня объединиться. Почему бы не вернуться к хургули Чёрной сотни с изображением Георгия Победоносца?"

Можно сказать, что две эти статьи обозначили главные направления демократической "критики" в адрес владыки Иоанна. С момента их публикации обвинения в "мракобесии" и "антисемитизме" уже не утихали ни на миг, сопровождая старца до самой кончины. Не имея возможности (смелости? образования?) опровергнуть его мировоззрение по существу, оппоненты пустились в ход последнее оставшееся (и такое привычное им) оружие: брань, клевету и политические доносы.

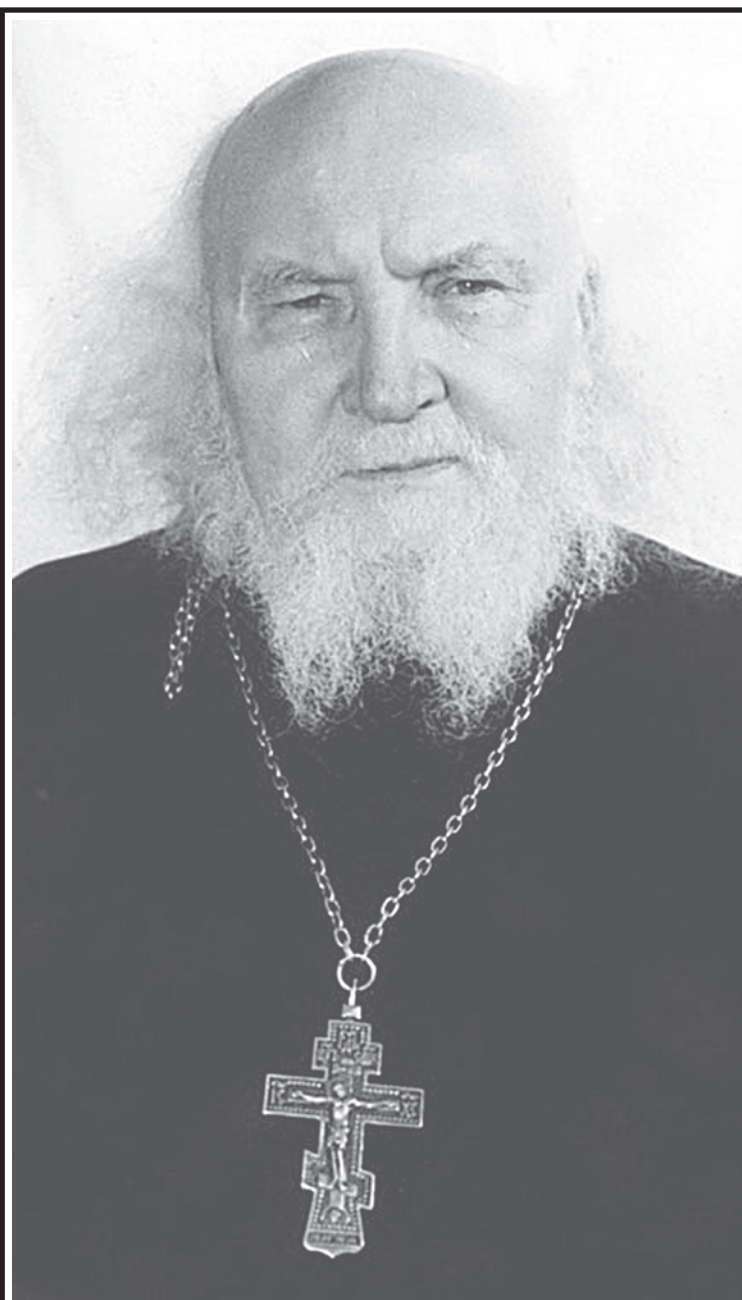
На этом, впрочем, дело не кончилось. "Общечеловеки" и "плюралисты" воззвали к "мировому общественному мнению", и вскоре в травлю митрополита Иоанна включилась зарубежная "демократическая общественность".

23 февраля 1993 года первый съезд Конгресса еврейских организаций и общин России заявил о своём намерении обратиться к патриарху Александру II с требованием (!) "принять неотложные меры в связи с публикациями митрополита Иоанна". Присутствовавший там генеральный секретарь Всемирного еврейского конгресса Израэль Зингер заявил: "Мы напомним лучших адвокатов, неважно, сколько нам это будет стоить..." (сообщение агентства РИА "Новости", 24.02.93).

Лондонская "Санди Телеграф" (24.10.93, уже после расстрела Верховного Совета) писала: "Всякий, кто пребывает в заблуждении, будто Россия стремится к достижению демократии и терпимости или постигает мастерство разумного самоанализа, должен поговорить с Санкт-Петербургским митрополитом Иоанном. "Сегодня осуществляется продуманный план по устранению русского народа", — утверждает он. Задыхаясь и хрипя, вещает о мученичестве Руси... Эта вереница жалоб нам знакома и имеет многовековую историю, коренясь в средневековом поверье, будто Москва есть "Третий Рим"..."

В том же духе высказалась и "Нью-Йорк Таймс", назвав владыку "наиболее выдающимся представителем русской реакции" (22.06.93).

Но было поздно. Усилия разномыслных ненавистников владыки оказались тщетными. Уже к началу 1993 года "феномен митрополита Иоанна" состоял, и все нападки с той поры лишь увеличивали популярность владыки. Независимо ни от чего — он уверенно вошёл в русскую историю, и сегодня его идеи по-прежнему завоевывают новых сторонников: как среди радявых мирян, так и в среде российского духовенства.

Александр ОГОРОДНИКОВ СВЕТИЛЬНИК ПОД СПУДОМ

Вспоминая священника Дмитрия Дудко

Богом, и надо очень осторожно её прочитывать", а "кто больше всех оклеветан, тот может быть, больше всех прав".

Не будучи ни "красным", ни "белым", отец Дмитрий как священник не отгравал ни тех, ни других, но отмечал, что за "красными" больше правды (потому народ и пошёл за ними), а мировая революция нашла в России себе могилу. Он не примкнул к монархической партии, но почитал царя-мученика Николая как святого задолго до канонизации. Батюшка считал советский период сложным, но героическим временем нашей истории, "советская власть нам посыпалась для подвига", признавая, что открытые гонения на верующих при коммунистах больше способствовали вере, чем современная "свобода". Даже атеизм, который протоиерей Дмитрий называл, вторя философу Бердяеву, "верой с чёрного хода", по его мнению, не так опасен, как нынешнее "обольщение", порою переходящее в откровенный сатанизм. При этом он чётко разделял сталинскую эпоху и последующую "оттепель", положившую начало диссидентству и либеральным "реформам", реабилитирующим троцкизм и "конвергенции" элит. А Хрущёва определил как "предшественника всех обольстителей". Объяснял, как нас всех обманули, призывал "красных" и "белых", забыв о взаимных претензиях, обоидно покаясь, дабы наконец-то закончилась так называемая Гражданская война в России. Не в реванше коммунизма он видел опасность для нашей страны сегодня, а в неолиберализме, торжестве религии мамоны...

Его мудрая, взвешенная позиция — не "приспособленчество, не "розовое христианство", как нам пытаются сегодня внушить некоторые российские "доброхоты", а именно христианство. "Священник не должен примыкать ни к каким партиям, — писал отец Дмитрий, — "и не делить людей на праведников и грешников. Он должен всех спасать и никого не судить". Отрезвление, отход от диссидентства и "политики в чистом виде" в 80-е годы были с его стороны не какой-то "эволюцией предательства", не изменой самому себе, а духовным взрослением, постепенным приближением к истине, к правде Божией — иной, чем правда человеков, мучительным созреванием делателя на ниве Господней.

Об этом отец Дмитрий предельно откровенно написал сразу после своего освобождения из Лефортовской тюрьмы: "За слово Божие я сидел в заключении. Тоска была страшная, как там семья и духовные дети? На море страшная буря, безбожие взволновало стихию, что делать? Умереть за Христа, что может быть лучше? Ну, а если не за Христа? Ну, если попробывать ещё побыть и помочь кому-то? Любовь к другим сильнее собственного благополучия, достаточно мучеников было в России, мир сейчас особенно нуждается в делателях, — так я подумал и решил на очень опасный поворот: я виноват во всём. Не кто-либо, а я виноват. Обвинял, брал вину за всех на свои плечи, не с безбожием, мол, я боролся, а с Советской властью... Я знал, какой позор брал на свои плечи... я знал, как расसेют от меня даже самые близкие, но я ещё не знал, какое будет ожесточение, и какие камни полетят. Тяжело, Господи, но это смирило меня: пусть как последний грешник, как изверг, но буду делать... И вот я делаю..." (о. Дмитрий Дудко, книга воспоминаний "Из виноградики Божия").

Отказавшись выступить в роли жертвы "безбожного коммунистического режима", отец Дмитрий смелся серьёзную политическую игру зарубежных сил вкуче с нашими бунтарями-космополитами (чего ему не могут простить до сих пор); при этом он "высветил" врагов в скрытой войне, ведущейся и ныне не против коммунизма и СССР, а против России как таковой, против Православия и русского народа.

Священник пересмотрел своё отношение к чекистам, о чём впоследствии напишет: "Мои следователи стали моими друзьями". После освобождения с подпиской о невыезде следственные мероприятия продолжались. На одном из допросов излишне доверчивому, неискушённому в реальной политике подследственному было сказано следующее: "Дмитрий Сергеевич, вас хотят посадить евреи, но нашими руками. Мы вас сажать не желаем. Дай Бог, чтоб вы одумались..." (о. Дмитрий Дудко, книга "Подарок от Бога").

По прошествии времени батюшка понял, что не коммунисты, не чекисты и даже не евреи — истинные недоброжелатели его, а некая тайная сила. "Есть скрытая группа, которая пытается всем руководить, создаёт условия и испровергает. Меня эта группа, как я вижу, тоже подняла на волне и опустила". Чуть позже отец Дмитрий назовёт эту "силу" "современными жидовствующими", а то, что делают с Россией, — заговором...

Неудобный, замалчиваемый, гонимый, обвинённый в грехах, которые не совершал, подвижник никогда не жаловался, никого не обвинял. Всегда хотел только, чтобы его выслушали до конца и попытались понять; не извинений ждал, а признания права на собственную точку зрения.

"Милости хочу, а не жертвы", — "учил Христос. "Безжалостны только труссы", — повторял священник Дудко.

Бывшего друга своего, священника Глеба Якунина, батюшка Дмитрий оправдывал и защищал до последнего, а когда переполнилась чаша терпения, с грустью произнёс: "Видимо, у него поведрился ум..."

Увы, часто батюшку не ценили даже те, кто оказывался рядом, включая руководство СП, членом которого он являлся. Не могу забыть, как незадолго до кончины этого выдающегося человека я попросил написать о нём одного знакомого секретаря СП, попытаться взять у того интервью. Он ответил раздражённо: "Да что ты носишься со своим Дудко?"

Признаться, не ожидал такой реакции, был поражен чёткостью и проявлением рецидива советской партийности в литературе. Откликнулся критик Владимир Бондаренко (огромное ему спасибо!), который, несмотря на неважное самочувствие, поехал к батюшке Дмитрию домой и сделал интервью, ставшее последней прижизненной публикацией духовника газеты "Завтра" (апрель 2004 г.). Приведу несколько строк оттуда: "Счастливее русского человека нет и быть не может. На его долю выпало всё. А случайных таких испытаний не бывает. После болезни любой организм обновляется, что-то отмирает, что-то крепнет. Силы таятся внутри нас, внутри русского народа. И болезнь преодолевается... Когда конкретно наступит русская Пасха, сказать не могу, всё в руках Божьих. Надо ждать и делать всё для её прихода. Она придёт, вне всякого сомнения!"

При жизни его многие не любили, после смерти — замалчивают. Удивляет то, что порой его хулят или смотрят свысока вроде бы русские, православные, вроде бы "свои". Тут невольно вспоминаются слова отца Дмитрия: "Клевета, видимо, последняя ступень, которую должен пройти христиан. Самая трудная ступень..."

От многих познания многа печали... Не всякий был готов вместить хотя бы часть из того, что переполняло духовного писателя; отказываясь от суетности, стать мушкетёром, изжить теплоту... Нескольким лет назад мне довелось пообщаться с афонским монахом отцом Ефремом, который в своё время подвизался у иеромонаха Серафима (Роуза).

Отец Серафим по-доброму относился к отцу Димитрию, считал близким по духу, называл его представителем "сердечного православия", кричащей совестью России". Он первым из зарубежных пастырей понял смысл "раскаяния" перед советской властью и поддержал отца Дмитрия в трудную минуту.

В состоявшейся беседе среди прочего я поинтересовался: почему до сих пор некоторые, именующие себя православными христианами, так ненавидят митрополита Иоанна (Снычёва) и протоиерея Дмитрия Дудко — даже после смерти этих подвижников веры. Он мне ответил, что так же точно ненавидят и отца Серафима Роуза, — только за то, что все они проповедовали Христа Живого! Вот главное: не картинку, а Живого Бога — не застывшую форму, а содержание и деятельную любовь, всегда готовую "немоути другого понести на себе"...

Отец Дмитрий писал: "Очень важно отличать главное от второстепенного. Когда нет этого отличия, люди спорят и не понимают друг друга... Главное — объединяет, второстепенное — закрывает на всё глаза, и люди становятся врагами, притом считая каждого себя в отдельности находящимся в Истине. За Истину дубаст друг друга, а она стоит и плачет о них. Истина — в любви!" (о. Дмитрий Дудко, книга "На скрещении дорог").

"Если даже немного останется православных, и тогда ещё не гибель, потому что это Церковь, которую силы ада не одолеют. Ни на что не обращая внимания, будем православными на деле. Помеьше политики, шумихи, побольше дела. С нами Бог — это наша вера. Нам невозможно, Богу же всё возможно!" — в этих словах из его книги "Попытка осмыслить и разобраться с общественным аморалом, на мой взгляд, весь Дудко.

И это, видимо, извечное: "Нет пророка в своём Отечестве" и "что имеем, не храним...", а потом — "кусаем локти". В погоне за сиоимитным мы забываем о вечном, вместо драгоценных камней собираем бумажники; держим свечильники под спудом, святых при жизни не замечаем, и хорошо, если величаем потом — увы, уже после смерти...